
Властный босс.
Ты будешь моей
Даргевич Екатерина

Екатерина Даргевич

Властный босс. Ты будешь моей

https://litres.ru/74745189
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты будешь мне принадлежать. Твое время, твое тело, твоя воля — теперь это моя собственность. А долг брата — лишь цена, которую я за это заплатил.", — заявил он, отрезая все пути к отступлению.

Я ненавижу этого наглого тирана, но почему от его властного взгляда предательски дрожат колени? Смогу ли я сбежать, пока он не подчинил себе не только мое тело, но и душу?

Властный босс Строптивая героиня Противостояние, искры, буря эмоций Обязательный Хэппи-Энд!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	39
Глава восьмая	43
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	59
Глава двенадцатая	65
Глава тринадцатая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Даргевич
Властный босс.
Ты будешь моей

Глава первая

— Твой брат совершил катастрофическую ошибку, Анастасия, — голос Руслана Александровича звучал ровно, без крика, но от этого вибрирующего баритона по спине скользнул ледяной холод. — Халатность, невнимательность, глупость — называй как хочешь. Но из-за того, что он нажал не ту кнопку и отключил систему охлаждения в серверной, моя компания потеряла уникальное оборудование на тридцать миллионов.

Я сидела перед его массивным столом, идеально ровно держа спину. Колени плотно сжаты, руки аккуратно сложены на коленях поверх гладкой ткани юбки. Внешне я была само спокойствие. Подчеркнуто вежливая, собранная, с идеальной укладкой, на которую утром потратила последние силы. Но внутри меня всё обрывалось в бездну.

Тридцать миллионов. Мой младший брат, которого я устроила сюда на стажировку, чтобы хоть как-то помочь ему встать на ноги, просто всё уничтожил. Одной случайностью.

— Руслан Александрович, — я заставила свой голос звучать ровно и профессионально, хотя в висках пульсировала боль от хронического недосыпа. — Я понимаю масштаб ущерба. Мы всё возместим. Я продам свою квартиру, возьму кредиты, найду вторую работу. Пожалуйста, давайте составим график выплат. Мой брат не преступник, это несчастный случай. Мы не отказываемся от ответственности.

Орлов чуть склонил голову набок, разглядывая меня с откровенным, тяжёлым интересом. В его позе — широкие плечи, небрежно откинутые на спинку кресла, цепкое внимание хищника — было что-то такое, от чего у меня пересохло в горле. Я знала, что он опасен. Но я не знала, что он настолько подавляюще, по-мужски привлекателен. Густая тёмная щетина, резко очерченные скулы и глаза — холодные, проницательные, сканирующие меня так, словно я уже была его собственностью.

— Ты не вытянешь это, Настя, — произнес он с пугающей проницательностью. — Я навел справки. Ты и так тащишь на себе брата, оплачиваешь лечение матери, тянешь проектный отдел. Ты вымотана. У тебя синяки под глазами, которые ты тщательно замазываешь по утрам.

Его слова ударили в самое больное место. Я действительно безумно устала. Внутри меня всё кричало от желания спрятаться, переложить этот неподъемный груз хоть на кого-то, просто выдохнуть. Очень сильно хотелось найти сильное мужское плечо, но точно не таким способом. Жизнь дав-

но научила меня: никому нельзя доверять. Как только ты расслабишься и позволишь себе стать зависимой — тебя предадут, обманут, и тогда собирать себя по кускам придется заново. А у меня нет на это права. Если рухну я — рухнет вся моя семья.

— Это мои личные трудности, — я вежливо, но твердо очертила границу, чуть отодвигаясь от края стола. — Я справлюсь. Просто дайте нам время.

Орлов усмехнулся. В этой улыбке не было тепла, только жесткий расчет человека, который увидел нужную ему цель. Он плавно поднялся со своего места и бросил передо мной на стол кожаную папку.

— Я предлагаю другой вариант. У тебя два пути. Либо через час юристы дают ход делу, и твой брат садится за умышленную порчу имущества в особо крупных размерах, а коллекторы вытряхивают из вас всё до последней нитки. Либо… — он оперся костяшками пальцев о столешницу, нависая надо мной. Я невольно вдохнула запах его дорогого парфюма, от которого у меня на секунду помутилось в голове. — Ты подписываешь этот договор. Ты будешь мне принадлежать. Твое время, твое тело, твоя воля — теперь это моя собственность. А долг брата — лишь цена, которую я за это заплатил. Тридцать миллионов я списываю в утиль прямо сейчас.

Я перестала дышать. Сердце забилось так быстро, что стало больно в груди.

— Вы шутите, — прошептала я, пытаясь отодвинуться, но

спинка кресла не пускала. — Руслан Александрович, давайте решим это в правовом поле. Я не продаюсь. Мне не нужны такие… отношения.

— А я не спрашиваю, что тебе нужно, — его голос понизился до рокочущего шепота, от которого у меня предательски задрожали колени. — Я ставлю тебя перед фактом.

Я смотрела в его непреклонное лицо и чувствовала ледяную волну паники. Не от страха перед тюрьмой для брата, а от ужаса перед тем, что предлагал Орлов. Он хотел лишить меня самостоятельности. Он хотел забрать мой контроль над собственной жизнью. Вручить себя такому властному, подавляющему мужчине значило потерять себя полностью. А что, если он наиграется через месяц и вышвырнет меня? Как я потом буду жить?

— Я сама решу эту проблему, — упрямо проговорила я, вставая. Мой голос оставался вежливым, но дрогнул. — Извините, я не могу это подписать.

Я сделала шаг к двери, дистанцируясь, пытаясь сохранить лицо и сбежать в спасительное одиночество, где всё было привычно и под моим контролем.

Орлов оказался рядом быстрее, чем я успела моргнуть. Он не стал хватать меня за руки или применять грубую силу. Он просто преградил мне путь своей крупной фигурой, вторгаясь в мое личное пространство. От него исходила волна дикой, адреналиновой энергии и запах дорого парфюма сводящего меня с ума, который мгновенно заполнил легкие.

— Хватит играть в железную леди, — жестко отчеканил он, глядя мне прямо в глаза. Его баритон опустился до рокочущего, пробирающего до костей шепота. — Ты никуда отсюда не уйдешь. Ты будешь моей. Я снимаю с тебя весь этот груз. Подписывай бумаги, Настя. Иначе я уничтожу твоего брата сегодня же.

Я замерла, вдыхая его запах. Моя вынужденная независимость разбивалась о его несокрушимую волю. У меня не было выбора. Если я откажусь, моя семья пойдет ко дну.

Медленно, чувствуя себя так, словно иду на эшафот, я вернулась к столу. Я пыталась рационализировать происходящее, чтобы не сойти с ума от паники. В конце концов, он просто властный мужчина, решивший купить себе удобную игрушку. Как только я перестану быть для него вызовом, он наиграется и отпустит меня. Главное — держать дистанцию, не доверять и не позволять себе привыкнуть.

Я взяла ручку. Пальцы дрожали, когда я выводила свою подпись, отдавая этому тирану право управлять моей жизнью и разрушая ту хрупкую безопасность, которую я выстраивала годами. Внутри всё болезненно сжалось от предчувствия потери свободы, но где-то на самом дне души, против моей воли, мелькнула предательская, постыдная мысль: по крайней мере, теперь эта невыносимая проблема с долгом лежит на его широких плечах, а не на моих.

Орлов забрал бумаги, мазнув по моему бледному лицу долгим, изучающим взглядом.

— Идем, — скомандовал он, направляясь к выходу.

— Куда? — я попыталась сохранить ровный тон. — Мне нужно закончить квартальный отчет. И предупредить маму…

— Твоя прежняя жизнь закончилась минуту назад, — бросил он, даже не обернувшись. — С этого момента все твои проблемы решаю я. А ты решаешь только одну проблему — как угодить мне.

Он открыл дверь в приемную и властно опустил горячую ладонь чуть ниже моей поясницы, собственнически подталкивая вперед. Я инстинктивно дернулась, пытаясь отстраниться, вежливо пробормотав: “Я могу идти сама”, но его пальцы лишь жестче впились в мое бедро, безапелляционно фиксируя меня рядом с собой. И самое ужасное — против моей воли, вопреки всему, мне захотелось, чтобы он сделал это сильнее и жестче.

Двери лифта бесшумно закрылись, отсекая меня от привычного мира. Мы остались одни в тесной кабине. Я вжалась в угол, пытаясь отодвинуться, держать дистанцию, но он шагнул следом, загоняя меня в ловушку своего мужского обаяния и власти.

— Привыкай, Анастасия, — негромко произнёс он, глядя прямо мне в глаза. — Твоя самостоятельность закончилась. Теперь ты моя.

И глядя в эти уверенные, опасные глаза, я вдруг поняла, что больше всего на свете меня пугает не его власть, а то, как

сильно мне хочется уступить.

Глава вторая

Его слова прозвучали не как угроза, а как вынесенный приговор, не подлежащий обжалованию. Двери лифта с тихим шелестом сомкнулись, отрезая меня от внешнего мира и оставляя наедине с человеком, который только что перечеркнул мою привычную жизнь.

Я сделала глубокий вдох, заставляя себя держать спину идеально ровной. Паники не будет. Истерик тоже. Я слишком устала, чтобы тратить последние крохи энергии на слезы. Это просто кризисная ситуация. А кризисы я умею решать.

— Я вас услышала, Руслан Александрович, — мой голос прозвучал ровно и вежливо, хотя внутри всё сжималось от страха перед его подавляющей энергетикой. Я сделала едва заметный шаг в сторону, увеличивая дистанцию. — Но я всё еще взрослый человек, а не вещь.

Он лишь усмехнулся, шагнув следом и вновь вторгаясь в мое личное пространство. Лифт звякнул, прибыв на подземный паркинг. Орлов по-хозяйски опустил ладонь мне на поясницу, направляя к выходу. Сквозь тонкую ткань юбки его рука обжигала.

— Пожалуйста, я могу идти сама, — пробормотала я, инстинктивно напрягаясь и пытаясь уйти от прикосновения. Мне было физически некомфортно от этой властности.

Его пальцы лишь жестче зафиксировали меня рядом с собой. — Иди. Но рядом со мной.

Мы подошли к черному спорткару. Я ожидала увидеть водителя, но Орлов лично распахнул передо мной пассажирскую дверь, вторгаясь в мое личное пространство терпким запахом своего парфюма.

— Сегодня переночуешь здесь, в Сити. Мне нужно закончить пару сделок. Завтра поедем домой, — безапелляционно заявил он. Ни вопроса, ни попытки узнать мое мнение, просто факт.

Внутри все вспыхнуло от возмущения, но спорить с его стальным тоном сейчас было бесполезно. Я молча скользнула в низкое кожаное кресло. Дверь за мной захлопнулась с глухим звуком. Я плотно сжала колени, прижав к груди сумку, словно щит, и замерла в ожидании, когда он сядет рядом.

Дверь захлопнулась. В салоне пахло новой дорогой машиной, кожей и адреналином. Орлов сел за руль, завел двигатель утробным рыком, и машина резко сорвалась с места.

Городские огни за окном смазывались в яркие полосы. Я безумно устала. До слез хотелось просто закрыть глаза, выдохнуть и ничего не решать. Орлов просто использовал ошибку брата, чтобы загнать меня в угол.

Он вынудил меня бросить работу. И соглашаясь на роль послушной содержанки я потеряю себя. А когда он наиграется и выставит меня за дверь, я останусь без собственных денег, без карьеры и с семьей, которую всё так же нужно тя-

нуть. Нет, я обязана вернуть контроль над своей жизнью.

Я начала прокручивать в голове факты. Брат случайно отключил охлаждение в серверной. Да, ущерб огромный — тридцать миллионов. Но ведь он ничего не украл, это просто несчастный случай. Обычная рабочая ошибка. Разве за такое сажают в тюрьму на десять лет? Здравый смысл подсказывал, что за случайность грозит увольнение, бесконечные штрафы и долги, но никак не уголовная колония. Чем больше я думала, тем сильнее крепла догадка: его угрозы — это блеф, рассчитанный на мою усталость и панику. Он просто взял меня на понт, надавив на самое больное. Завтра же я найду хорошего юриста, и он точно объяснит мне, как защититься.

Спорткар плавно затормозил на подземной парковке башни "Федерация". Мы поднялись на личном лифте, который открылся прямо в трехуровневый пентхаус на самом высоком этаже.

Квартира Орлова подавляла масштабом. Огромные панорамные окна, сквозь которые ночная Москва казалась лишь россыпью покорных огней у его ног, холодный минимализм, темный мрамор и грубое дерево. Никакого уюта — идеальный плацдарм для переговоров и доминирования.

Я подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза.

— Если вы думаете, что я буду послушно сидеть в этом стеклянном аквариуме и ждать ваших указаний, вы ошибаетесь.

Руслан медленно стянул пиджак. На его губах заиграла опасная, предвкушающая усмешка.

— Посмотрим, на сколько тебя хватит, девочка. Твоя комната прямо по коридору, — спокойно произнес он. — Вещи привезут завтра.

Я осталась стоять у входа, не снимая туфель. Идеально прямая спина, сцепленные перед собой руки. Я должна была получить главную улику.

— Руслан Александрович, — я встретила его взгляд прямо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Раз уж мы перешли в плоскость деловых, пусть и нестандартных, отношений, я бы хотела соблюсти формальности.

Он чуть склонил голову набок, с интересом наблюдая за мной. — И какие же?

— Вы забрали обе копии договора в офисе, — вежливо, но твердо произнесла я. — Мне нужен мой экземпляр. С вашей подписью. Для моего личного архива. Я привыкла держать свои документы в порядке.

Орлов замер. На секунду в его глазах вспыхнул опасный, хищный огонь. Он был претендентом на мировое господство, акулой бизнеса, и, конечно же, он прекрасно понимал, зачем мне этот документ. Он просчитал мой план с полицией и юристами в ту же секунду, как я открыла рот.

Любой другой мужчина на его месте разозлился бы, но Орлов лишь медленно усмехнулся. В этой улыбке было столько снисходительного превосходства, что у меня пере-

хватило дыхание.

Он молча шагнул к мраморной консоли в прихожей, куда минуту назад бросил свои вещи, и взял плотную папку.

Он подошел ко мне вплотную, вновь заставляя меня вдыхать его запах, и протянул документы. Когда я взяла папку, его горячие пальцы намеренно скользнули по моей коже.

— Держи свою бумажку, Настя, — его баритон звучал пугающе мягко и уверенно. — Изучай, можешь даже положить под подушку.

Я крепко прижала папку к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. У меня была улика. Завтра утром я пойду к лучшему адвокату в городе, а затем в полицию. Этот тиран не оставил мне выбора, но он совершил ошибку, недооценив мою самостоятельность. Я всё решу по закону.

Я вежливо кивнула, направляясь в указанную комнату, уверенная в своем идеальном плане.

Глава третья

Дверь гостевой спальни бесшумно закрылась за моей спиной. Я прислонилась лбом к прохладной деревянной панели и наконец-то позволила себе судорожно выдохнуть. Тишина чужого, пугающе огромного дома давила на уши.

Комната была роскошной, в выверенных холодных тонах, больше похожая на номер в дорогом отеле, чем на жилое пространство. Огромная кровать, плотные шторы, ни одной лишней детали. Идеальная золотая клетка. Но я не собиралась в ней задерживаться.

Я прошла к письменному столу, включила небольшую лампу и положила перед собой ту самую папку. Пальцы немного дрожали, когда я открывала жесткую обложку.

Текст контракта пестрел юридическими формулировками, но суть сводилась к одному: я добровольно передавала Руслану Орлову право распоряжаться моим временем, местом жительства и личной жизнью сроком на один год. Взамен он брал на себя урегулирование “финансовых претензий к третьим лицам”. Никакой конкретики про брата или суммы. Филькина грамота, составленная так, чтобы унизить, а не иметь реальную силу в суде. Ни один нотариус в здравом уме такое не заверит.

Я достала телефон и вбила в поисковик статьи трудового и уголовного кодексов, касающиеся порчи имущества. Глаза

слипались от дикой усталости, строчки плыли, но я упрямо читала комментарии юристов на форумах.

Всё подтверждалось. Отключенный сервер — это халатность. Статья 168 УК РФ, если докажут крупный ущерб по неосторожности, но на практике это почти всегда заканчивается штрафом или удержанием части зарплаты. Чтобы брата посадили на десять лет, Орлову пришлось бы доказывать умышленный саботаж, терроризм или шпионаж. А мой брат — просто невнимательный стажер, а не Джеймс Бонд.

Орлов блефовал. Давил авторитетом, моим страхом за семью и моей тотальной вымотанностью.

От облегчения на глаза навернулись слезы, но я быстро смахнула их. Рано расслабляться. Завтра утром я найду лучшего адвоката в городе. Я заплачу ему с кредитки, которую держала на самый черный день, и мы составим грамотное заявление в полицию о шантаже и принуждении к сделке. У меня есть этот договор с его подписью. Это железная улика.

Я не стала раздеваться. Просто скинула туфли и легла поверх покрывала, свернувшись калачиком и прижимая сумку к себе. Спать в его доме было страшно, но истощенный организм взял свое, и я провалилась в тяжелое, тревожное забытье.

Утро началось с резкого звона будильника. Я подскочила, не сразу понимая, где нахожусь. Сердце колотилось. Вспомнив всё, я быстро привела себя в порядок в примыкающей к спальне ванной. Холодная вода помогла взбодриться, а

остатки косметики из сумочки скрыли темные круги под глазами. Я поправила юбку, застегнула блузку на все пуговицы. Выглядела я как идеальный, собранный сотрудник. Никакой жертвы. Только деловой подход.

Выйдя в огромную, залитую утренним светом гостиную, я замерла.

Орлов уже не спал. Он стоял у панорамного окна спиной ко мне, в темных брюках и идеально сидящей белой рубашке со слегка закатанными рукавами. В одной руке он держал чашку кофе, в другой — телефон, по которому отдавал короткие, хлесткие распоряжения. От него буквально несло бешеной, деятельной энергией. Он явно готовился кого-то разорвать на бирже или захватить очередную компанию.

Услышав мои шаги, он завершил звонок и обернулся. В его глазах мелькнуло собственническое удовольствие, когда он окинул меня взглядом с ног до головы.

— Доброе утро, — я первой нарушила тишину, стараясь, чтобы голос звучал максимально вежливо и отстраненно. — Я бы хотела отлучиться на несколько часов. Мне нужно закрыть кое-какие формальности с документами и забрать вещи.

Я ожидала допроса. Ожидала, что он запретит мне выходить или потребует отчета. Но Орлов лишь сделал глоток кофе, продолжая буравить меня проницательным взглядом.

— Машина с водителем ждет внизу, — спокойно ответил он. — Он отвезет тебя, куда скажешь, и привезет обратно.

— Спасибо, но я вызову такси. Мне так удобнее, — я попыталась выстроить привычную границу.

— Настя, — его голос понизился, обволакивая меня бархатной угрозой. — Твоя безопасность теперь моя забота. В мою машину, или ты остаешься здесь.

Спорить было бессмысленно, да и тратить на это силы не хотелось. Я просто вежливо кивнула. — Хорошо. Как скажете.

Спускаясь в лифте, я чувствовала себя так, словно иду по минному полю. Его легкость пугала. Почему он так просто меня отпустил? Неужели он настолько уверен в своей безнаказанности?

Водитель на массивном черном внедорожнике действительно ждал у входа. Я назвала адрес крупного юридического бюро в центре города. Всю дорогу я смотрела в окно, мысленно репетируя свою речь. Я не позволю Орлову сломать мою жизнь. Я всё решу по закону.

Офис адвоката внушал доверие: дорогие панели из орехового дерева, кожаные кресла, вышколенный персонал. Михаил Борисович, один из лучших специалистов по гражданским и уголовным делам, принял меня почти сразу, стоило мне упомянуть сумму потенциального иска.

Это был солидный мужчина лет пятидесяти в дорогих очках. Он внимательно выслушал мою сбивчивую, но логичную речь про серверную, брата и угрозы уголовным сроком.

— Вы абсолютно правы, Анастасия, — его голос звучал

уверенно и успокаивающе, профессионально снимая мою тревогу. — Это чистой воды материальная ответственность. Статья двести тридцать восьмая Трудового кодекса. Ни о каких десяти годах речи быть не может. Вас просто банально запугали.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как с плеч свалилась еще одна бетонная плита. Я была права. Мой мозг и моя логика меня не подвели.

— Этот человек заставил меня подписать дикий контракт под угрозой расправы над братом, — я достала из сумки ту самую папку и положила на полированный стол. — Я хочу написать заявление о шантаже. Вот документ.

Михаил Борисович ободряюще улыбнулся, надел очки и открыл папку. — Сейчас мы во всем разберемся. Кто у нас этот возомнивший о себе лишнего шантажист?

Он скользнул взглядом по тексту. Я видела, как его глаза дошли до низа страницы. До размашистой, властной подписи.

Улыбка медленно сползла с лица адвоката. Секунду назад вальяжный, уверенный в себе профессионал вдруг как-то неуловимо сдулся. Он побледнел, а на лбу выступила крошечная капелька пота.

Тишина в кабинете стала давить. Михаил Борисович аккуратно, словно папка вдруг стала радиоактивной, закрыл её и двумя пальцами отодвинул по столу обратно ко мне.

— Михаил Борисович? — я непонимающе нахмурилась.

— Что мы будем делать?

Он снял очки и посмотрел на меня взглядом, в котором читался искренний, неприкрытый страх. — Мы ничего не будем делать, Анастасия, — глухо произнес адвокат. — Забирайте свои документы. И я настоятельно рекомендую вам вернуться к Руслану Александровичу и выполнить все его условия. Иначе вам не поможет ни закон, ни полиция. Вам не поможет вообще никто.

Глава четвертая

Слова адвоката прозвучали как лязг тюремного засова. Я смотрела на Михаила Борисовича — человека, который еще вчера на моих глазах в суде разгромил огромную строительную корпорацию, — и видела, как он отводит глаза. Он боялся. Лучший независимый адвокат города панически боялся моего новоиспеченного "хозяина".

— Вы даже не попытаетесь? — мой голос прозвучал неестественно ровно, хотя внутри всё оборвалось в ледяную пустоту. — Это же прямой шантаж. У нас есть бумага с его подписью. Это вещественное доказательство.

— Эта бумага — ваш билет в один конец, Анастасия, если вы пойдете против него, — адвокат поспешно убрал руки со стола, словно моя папка была заразной. — Руслан Орлов — это не просто бизнесмен. Он — бетонная стена. А с бетонной стеной не судятся, под нее не лезут, чтобы не раздавило. Мой вам совет: будьте умной девочкой. Смиритесь.

Я молча поднялась. Моя спасительная вера в правила, логику и справедливость — всё это дало глубокую трещину. Но я не собиралась сдаваться. Я привыкла тащить свою семью на себе, привыкла нести ответственность и вытаскивать нас из любых ям. Я не могла просто сложить лапки и стать чьей-то покорной вещью.

— Спасибо за консультацию, — вежливо, но холодно про-

изнесла я, убирая папку в сумку. — До свидания.

Я вышла на залитую солнцем улицу и достала телефон. На экране высветился номер брата.

— Настя, это правда? — его голос дрожал, но в нем слышалась непривычная, отчаянная злость. — Люди Орлова приходили к нам. Они сказали, что ты переехала к нему из-за моего долга. Настя, не смей! Слышишь? Я сам пойду в полицию, я сяду, я отработаю эти деньги, но я не позволю тебе продавать себя этому ублюдку!

У меня перехватило горло. Мой безалаберный младший брат впервые в жизни пытался взять удар на себя.

— Всё хорошо, Денис, — я сглотнула подступивший ком, чувствуя, как внутри разгорается яростное пламя. — Я всё решу. Никто никуда не сядет.

Я сбросила вызов. Черта с два я сдамся Руслану Орлову. Я упрямо зашагала к ожидающему меня черному внедорожнику.

Я села на кожаное сиденье, чувствуя себя вымотанной, но мозг уже упрямо выстраивал новый маршрут. Если частные адвокаты куплены или запуганы, значит, нужно идти напрямую к тем, кто обязан защищать граждан. В полицию.

— Куда теперь? — нейтрально спросил водитель.

— В центральное управление МВД, пожалуйста, — ровным тоном ответила я, глядя прямо перед собой.

Водитель даже не моргнул. Он просто плавно вывел тяжелую машину на проспект. Его безразличие должно было ме-

ня насторожить, но я была слишком поглощена своим планом. Я всё сделаю правильно. Напишу заявление, приложу копию договора, зафиксирую факт вымогательства.

Пока внедорожник скользил по улицам, я смотрела на прохожих. Люди спешили по своим делам, пили кофе, смеялись. Их мир был нормальным. Мой же рухнул за одни сутки. Я вспомнила, как годами выстраивала свою независимость. Как брала подработки ночами, чтобы оплатить мамины счета, как выбивала для брата это место стажера, надеясь, что он наконец-то возьмется за ум. Я привыкла быть сильной. Я привыкла, что если я не сделаю, то не сделает никто. И я не могла просто так взять и отдать штурвал своей жизни мужчине, который решил, что может меня купить. Это противоречило всему моему существу. Я панически боялась стать зависимой.

“Я всё сделаю по закону, — твердо сказала я себе, сжимая ремешок сумки. — Он не всемогущий”.

Здание центрального управления встретило меня гулким эхом коридоров и запахом старой краски. Я подошла к дежурному, четко изложила суть обращения и уже через пятнадцать минут сидела в кабинете следователя — грузного майора с глубокими морщинами на лбу.

Он слушал меня вполуха, перебирая какие-то бланки, но когда я положила на стол договор с размашистой подписью Орлова, его взгляд мгновенно сфокусировался.

— Руслан Александрович Орлов? — переспросил майор,

и в его голосе мелькнула странная, напряженная нотка.

— Да. Он шантажирует меня долгом моего брата, — я сидела идеально ровно, сцепив пальцы на коленях. — Угрожает сфабриковать уголовное дело, если я не стану его содержанкой. Я требую возбудить дело по факту вымогательства и принуждения.

Майор долго смотрел на бумагу. Затем медленно поднял на меня глаза. В них не было желания помочь. В них читалась откровенная жалость.

— Анастасия Владимировна, — начал он, осторожно подбирая слова. — Вы понимаете, на кого пытаетесь заявить? Вы уверены, что хотите дать этому ход? Может, это просто недоразумение между вами и вашим... мужчиной?

— Он не мой мужчина, — меня передернуло от этого слова. Моя вежливость трещала по швам. — Он преступник. Я буду писать заявление.

Майор тяжело вздохнул и придвинул ко мне чистый лист и ручку. — Пишите.

Я начала методично, строчку за строчкой, излагать факты. Моя внутренняя стена независимости крепла с каждым написанным словом. Я справлюсь. Я сама всё решу.

Дверь кабинета открылась без стука. Я не обернулась, поглощенная составлением документа, пока не услышала звук резко отодвигаемого стула.

— Здравия желаю, Руслан Александрович! — голос майора вдруг сорвался, он вскочил со своего места, вытягиваясь

по струнке.

Сердце пропустило удар. Ручка замерла над бумагой.

Я медленно повернула голову. В дверях, заполняя собой всё пространство кабинета, стоял Орлов. На нем был всё тот же безупречный костюм, а от его крупной фигуры исходила такая подавляющая, хищная энергия, что в помещении мгновенно стало нечем дышать.

Он не выглядел злым. Он выглядел уверенным и снисходительным, как взрослый, наблюдающий за детской истерикой.

Орлов неспешно прошел к столу, его шаги гулко отдавались в тишине. Он даже не посмотрел на вытянувшегося следователя. Его темные, опасные глаза были прикованы только ко мне.

— Руслан Александрович, вот... гражданка заявление пишет, — пробормотал следователь, окончательно сдавая меня с потрохами.

Орлов подошел ко мне вплотную. Его рука опустилась на стол, длинные горячие пальцы легли поверх моего недописанного заявления. Одним плавным, неумолимым движением.

Глава пятая

Он вытянул недописанное заявление из-под моей замершей ручки.

Орлов посмотрел на неровные строчки, в которых я отчаянно требовала правосудия и усмехнулся. И, не отрывая от меня своего тяжелого, проницательного взгляда, разорвал лист пополам. Звук рвущейся бумаги в мертвой тишине кабинета показался оглушительным. Затем он сложил обрывки и разорвал их еще раз и затем еще. Белые клочки моего идеального, логичного плана медленно спланировали на заваленный делами стол следователя.

— Извините за беспокойство, товарищ майор, — голос Орлова звучал ровно, с легкой, хозяйской вежливостью. — Моя женщина немного перенервничала. Семейный конфликт. Мы пойдем.

— Так точно, Руслан Александрович. Всего доброго, — майор старательно отвел глаза, делая вид, что очень занят изучением своего пустого монитора. Он даже не пискнул, когда посторонний человек уничтожил официальный документ прямо в его кабинете.

Да кто он такой?! Я сидела, не в силах пошевелиться. Мой мир, в котором существовали законы, правила и справедливость, только что рассыпался в прах. Полиция, моя последняя инстанция, просто отвернулась.

Орлов властно взял меня за локоть. Его хватка не причиняла боли, но была стальной, лишающей малейшего шанса на сопротивление.

— Вставай, Настя. Пора домой, — негромко скомандовал он.

Я вскочила с места, сжимая кулаки так, что ногти больно впились в ладони.

— Вы не имеете права! Вы не закон! — мой голос звенел от ярости, когда я шагнула прямо на него, игнорируя габариты этого хищника. — Я всё равно найду на вас управу!

Руслан даже не дрогнул. Напротив, в его глазах вспыхнул искренний, обжигающий интерес. Мое сопротивление действовало на него как красная тряпка на быка, разжигая первобытный азарт. Он перехватил мое запястье, легко и безапелляционно притягивая к своей груди.

— Попробуй, строптивая. Но пока ты в моей власти, — он властно развернул меня к двери, крепко удерживая за талию. — Идем домой.

Внедорожник ждал на том же месте. Орлов сам открыл дверь, усадил меня на заднее сиденье и сел рядом, отрезая все пути к отступлению. Водитель плавно вывел тяжелую машину в поток.

Салон наполнился густым напряжением. Я смотрела в окно невидящим взглядом, пытаясь собрать из осколков остатки самообладания.

— Ты думала, я не просчитаю твой ход с Трудовым кодек-

сом? — его спокойный баритон нарушил тишину. В голосе не было злости, только усталое превосходство хищника над добычей. — Думала, что самая умная? Что можешь переиграть меня параграфами из интернета?

— Это халатность, — мой голос дрогнул, но я упрямо вскинула подбородок, глядя ему в глаза. Я всё еще цеплялась за свою правоту. — За такое не сажают на десять лет. Максимум увольняют и заставляют платить. Ваш шантаж — блеф. У вас нет реальных рычагов, кроме запугивания.

Орлов не стал со мной спорить. Он потянулся к встроенному мини-сейфу между сиденьями, ввел короткий код и достал тонкую серую папку. Не ту, что была вчера. Другую.

— Читай, — он бросил её мне на колени.

Я недоверчиво посмотрела на него, затем на папку. Мои руки предательски дрожали, когда я открыла жесткую обложку.

Внутри лежала копия технического заключения службы безопасности его компании. И еще один документ — протокол изъятия цифровых данных. Я начала вчитываться в строчки, и с каждым прочитанным словом кровь стыла в жилах, а в ушах нарастал белый шум.

Там было сказано, что мой брат не просто случайно отключил охлаждение. Там были приложены логи системы, согласно которым с его учетной записи перед сбоем производилось скачивание конфиденциальных баз данных корпорации на внешний скрытый носитель. Сбой системы охлажде-

ния был представлен как намеренная попытка замести следы кражи.

— Это ложь, — прошептала я, чувствуя, как немеют губы. — Мой брат не умеет этого делать. Он безалаберный дурак, но он не вор. Он ничего не скачивал!

— Это не имеет значения, Настя, — жестко припечатал Орлов, забирая у меня папку. — Факты, которые лягут на стол прокурору, таковы: скачивание было. Система рухнула. Ущерб — тридцать миллионов, плюс попытка кражи коммерческой тайны. Это чистой воды промышленный шпионаж. Статья сто восемьдесят третья Уголовного кодекса. До семи лет лишения свободы. И я гарантирую, что с этими бумагами он получит максимальный срок.

Я перестала дышать.

Моя логика, моя святая вера в то, что всё можно решить упорством — всё это было просто смешно. Он не блефовал. Он изначально выстроил всё так, чтобы у меня не было ни единого шанса на побег. Мой брат оказался пешкой в игре, правил которой я даже не знала.

— Зачем? — мой голос сорвался на отчаянный шепот. Впервые за эти безумные сутки моя ледяная маска дала глубокую трещину. — Зачем вам это? У вас есть империя, деньги, власть. Зачем вы уничтожаете мою жизнь? Я же вам никто.

Орлов медленно сократил расстояние между нами. Его большая, горячая ладонь легла на мою ледяную щеку. Я хо-

тела отстраниться, но сил сопротивляться больше не было. Моя стена вынужденной независимости рухнула под весом его абсолютной власти.

Его большой палец мягко провел по моей скуле, стирая выступившую слезу бессилия, которую я даже не заметила.

— Затем, что ты мне нужна, — в его глазах вспыхнул опасный, собственнический огонь. — Хватит бороться со мной, девочка. Твоя война окончена. Ты проиграла.

Глава шестая

Его слова прозвучали не как угроза, а как вынесенный приговор, не подлежащий обжалованию.

Он отвез меня обратно в пентхаус в Сити, где я просидела до вечера, а когда стемнело, он сказал, что мы едем за город. За руль он сел сам

Я сидела на заднем сиденье мощного внедорожника, вжавшись в самый угол, и смотрела, как Орлов уверенно крутит руль, плавно перестраиваясь в плотном потоке ночных машин.

Я забралась назад инстинктивно, пытаясь выстроить между нами хоть какую-то физическую преграду, спрятаться, забиться в темноту салона. Но это не помогало. Энергетика этого мужчины была настолько подавляющей, что заполняла собой каждый миллиметр пространства. От него пахло дорогим парфюмом, кожей и адреналином победителя, который только что одержал очередную победу.

Мой разум бился в истерике, выстраивая схемы побега, которых просто не существовало, а тело… тело вело себя омерзительно предательски. Каждое скупое, властное движение его больших рук на руле отзывалось во мне горячей дрожью. Я ненавидела себя за то, что не могу отвести взгляд от линии его широких плеч, от того, как уверенно он контролирует тяжелую машину. Внизу живота разливался тяже-

лый, пульсирующий жар, а дыхание сбивалось, стоило ему просто посмотреть на меня через зеркало заднего вида. Этот пронзительный, сканирующий взгляд словно снимал с меня одежду, заставляя сердце биться сильнее, а дыхание — судорожно сбиваться.

Я была в ужасе от своей реакции. Я должна была кричать, требовать остановить машину, бороться! Но годы бесконечного, выматывающего напряжения вдруг навалились на плечи неподъемной бетонной плитой. Я до скрежета зубов ненавидела то, как уверенно он вел машину, как контролировал каждое движение. Но еще больше я ненавидела себя за то, что мое тело предательски реагировало на его близость. Внизу живота пульсировал жар. Я хотела ударить его, вырвать руль, закричать, но вместо этого мой уставший мозг подкидывал пугающие мысли. Часть меня — слабая, измотанная годами проблем — шептала: "Просто сдайся. Пусть он всё решает". Я вцепилась ногтями в ладони, отгоняя этот морок. Я не стану его вещью.

— Куда мы едем? — мой голос прозвучал слабо, почти жалко. Я попыталась откашляться, чтобы звучать увереннее, но не смогла.

— Домой, Настя, — небрежно, но с металлом в голосе бросил Орлов. — Пентхаус в Сити — это для переговоров. А жить ты будешь там, где до тебя никто не доберется.

Вскоре внедорожник свернул к монументальным глухим воротам элитного поселка на Рублевке. Охрана пропустила

нас без единого вопроса, и машина мягко покатилась по извилистой дороге среди высоких сосен.

Мы остановились перед огромным домом. Это не было похоже на вычурные дворцы. Передо мной высилась крепость идеальных геометрических форм из натурального камня, темного дерева и гигантских плоскостей стекла. Свет из панорамных окон падал на аккуратный газон, создавая ощущение абсолютной, недосягаемой роскоши и полной изоляции.

Орлов заглушил мотор, вышел и распахнул мою дверь. Я на негнущихся ногах ступила на брусчатку, вдыхая морозный хвойный воздух.

— Идем, — скомандовал он и по-хозяйски положил большую, обжигающе горячую ладонь мне на поясницу.

Я инстинктивно сжалась, попытавшись ускорить шаг, чтобы разорвать этот контакт, уклониться от его подавляющего мужского внимания. Я хотела спрятаться в раковину. Но его длинные пальцы лишь жестче впились в мой бок сквозь тонкую ткань плаща, безапелляционно фиксируя меня рядом с собой. От этого властного прикосновения по спине пробежали мурашки, а колени предательски подогнулись. Если бы он меня не держал, я бы точно оступилась.

Внутри особняк поражал еще больше. Шестиметровые потолки, сдержанные матовые стены и огромное мозаичное панно глубокого винного оттенка. Пространство было продумано до мелочей: строгий минимализм, дорогие арт-объ-

екты и приглушенный свет сотен искусно спрятанных светильников, создающих театральную игру теней.

— Снимай плащ, — велел Руслан, остановившись позади меня, так близко, что его грудь почти касалась моей спины.

Мои непослушные пальцы скользнули по пуговице и замерли. Я физически не могла с ней справиться — руки тряслись от близости его крупного, излучающего жар тела. Заметив мою заминку, Орлов не стал ждать. Он просто накрыл мои ладони своими. Его руки были грубыми, горячими и невероятно уверенными. Одно неуловимое движение, и он сам расстегнул неподатливую пуговицу, плавно стягивая плащ с моих дрожащих плеч.

Я замерла, боясь сделать даже вдох. Его дыхание опалило мою шею, заставив мелкие волоски на затылке встать дыбом. От этого первобытного трепета — смеси животного страха и острой, парализующей сексуальной тяги — у меня закружилась голова.

Я сделала быстрый шаг вперед, обхватив себя руками, пытаясь закрыться, выстроить хоть какую-то эмоциональную стену.

— Руслан Александрович… пожалуйста, — прошептала я, уставившись в безупречно чистый пол. Слез не было, было только тотальное бессилие. — Зачем вам это? У вас есть империя, деньги. Вы можете получить любую женщину по щелчку пальцев. Я обычная… я не создана для такого мира. Позвольте мне уйти.

Орлов небрежно бросил мой плащ на кресло. Он в два широких шага сократил дистанцию, нависая надо мной, словно хищная птица. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его цепким, сканирующим взглядом. В его глазах пульсировала бешеная энергия амбициозного победителя, который всегда берет то, что хочет.

— Любая женщина мне не нужна, — его баритон завибрировал низко, проникая прямо под кожу. — Мне нужна ты. Твоя комната на втором этаже. Ванная и гардеробная прилегают к ней. И запомни, Настя: двери в этом доме не запираются. Усвой это сразу.

Я судорожно сглотнула, чувствуя себя пойманной в ловушку птицей, которой вдруг предложили золотую клетку с открытой дверцей, но лететь ей некуда.

— Иди, прими душ. Выдохни, — продолжил он, отступая на шаг и давая мне возможность нормально дышать. — В шкафу найдешь всё необходимое. Через час жду тебя в столовой. Ужинать будем вместе.

— Я не хочу есть, — едва слышно возразила я, отступая к прозрачной стеклянной лестнице, всё еще надеясь избежать прямого столкновения.

— Это было не предложение, — жестко, с металлической категоричностью отрезал Орлов. — Я жду тебя через час.

Спорить с ним было бесполезно. Я развернулась и почти бегом бросилась вверх по ступеням, отчаянно желая скрыться, закрыть за собой пусть и не запирающуюся, но всё же

дверь.

Спальня оказалась огромной, выполненной в обволакивающих кофейных тонах. Панорамное окно смотрело прямо в густой темный лес. Никаких соседей, абсолютная, глухая изоляция. Я на ватных ногах прошла в прилегающую гардеробную, надеясь найти хоть какую-то объемную футболку, чтобы спрятать свое дрожащее тело.

Я потянула на себя тяжелую матовую дверцу шкафа и замерла, не в силах сделать вдох.

На вешалках идеальными рядами висели платья, строгие кашемировые кардиганы, домашние шелковые костюмы и дорогое кружевное белье. Я неверяще дотронулась до бирки на роскошном изумрудном платье. Мой размер. Нижнее белье — до миллиметра мой размер. Внизу аккуратно стояла обувь, которая идеально подходила к моей ноге.

Брат нажал не ту кнопку в серверной только вчера вечером. А собрать гардероб такого уровня по индивидуальным меркам и развесить его в загородном доме требует как минимум недели подготовки.

Сердце забилось о ребра так сильно, что стало больно. Это не было спонтанным решением. Это не было местью за разбитые серверы. Он всё это спланировал. Он хладнокровно расставил капкан задолго до аварии, и просто ждал, пока я сама шагну в него под тяжестью обстоятельств.

Внезапная, оглушающая мысль ударила в голову: этот опасный, властный мужчина так сильно и бешено меня

хотел, что провернул целую многомиллионную операцию, лишь бы легально забрать меня себе и сделать своей... рабыней?

От этой мысли бросило в жар. Это одновременно притягивало и дико отталкивало, ломая все мои привычные, правильные установки. Это же попахивало каким-то изощренным фетишизмом, или как там это называется у богачей? Здоровые люди не строят такие многоуровневые ловушки, чтобы просто затащить женщину в постель! Разум кричал, что я должна бежать от него без оглядки, но как же меня самому к нему влекло — не передать словами. Каждый его жест, каждый взгляд отзывался во мне горячим, пульсирующим влечением. А то, что он сам так бешено меня хотел, что был готов преступить закон и вообще вертеть этим законом как ему хочется, чтобы добиться меня… мне это сильно льстило.

Глава седьмая

Я даже не помню, как выскочила из спальни. Мой мозг отказывался верить в происходящее, уступая место чистым инстинктам. Я сбежала по прозрачной лестнице на первый этаж, направляясь к просторному кабинету, дверь которого была слегка приоткрыта.

Я уже занесла руку, чтобы ворваться внутрь, как вдруг услышала густой, низкий голос Макара — начальника его охраны.

— Руслан Александрович, я работаю на вас десять лет, — негромко говорил безопасник. — И все эти годы вы держали на контроле её жизнь. Следили, чтобы коллекторы не переходили черту, отгоняли самых отбитых. Зачем было ждать так долго? Я понимаю, что Воронов — опасный игрок, но... могли бы просто подойти, познакомиться. К чему такие сложности с контрактом именно сейчас?

Я замерла, до боли вцепившись пальцами в дверной косяк. Он держал мою жизнь на контроле годами?!

В кабинете раздалась короткая усмешка, в которой не было ни капли веселья. А затем зазвучал рокочущий баритон Руслана:

— Ты думаешь, я не хотел, Макар? Каждый день. Но если бы я приблизился к ней раньше, Воронов сразу увидел бы мою слабость. Она мгновенно стала бы идеальной мишенью,

рычагом давления на меня. Я не имел права подставлять её под удар, пока не выстроил империю и не был уверен, что смогу выжечь эту угрозу дотла. Я ждал не потому, что боялся её отказа. Я ждал, потому что боялся за её жизнь. А сейчас люди Воронова начали шевелиться, и у меня просто не осталось времени на долгие ухаживания.

От этих слов внутри всё похолодело. Я не могла больше просто стоять под дверью. Я с силой толкнула створку и влетела в кабинет.

Макар тут же замолчал и, поймав короткий кивок босса, бесшумно вышел, оставив нас наедине.

— Это вы все подстроили! — мой голос дрогнул, но я по привычке заставила себя выпрямить спину. Так я делала всегда, когда нужно было защищаться от очередного удара судьбы. — Серверы, сбой программы, долг брата… Это не случайность. Вы специально загнали нас в угол!

Орлов стоял у окна, но при моих словах медленно обернулся и неспешно двинулся в мою сторону, и каждое его движение дышало абсолютной, сокрушительной властью.

— Твой брат — идиот, который сам радостно загнал себя в ловушку, — холодно и цинично отрезал он. — Я лишь указал ему правильное направление.

— Вы называете это спасением? — мой голос сорвался на злой шепот. — Подставить парня на тридцать миллионов и заставить меня продать себя по контракту? Вы играете нашими жизнями, как бездушными фигурами на доске. Вы ни-

чем не лучше этого Воронова, от которого так отчаянно пытаетесь меня уберечь!

Я стала инстинктивно отступать. Внутри меня всё сжималось в тугой комок паники. Бежать было некуда. Лопатки впечатались в прохладную деревянную панель стены

Его крупная ладонь с глухим стуком легла на стену прямо над моим плечом, отсекая любые пути к отступлению. Вторая рука властно, но без капли грубости обхватила мой подбородок, заставляя поднять голову. От него пахло адреналином, мужской силой и той самой абсолютной властью, которой я панически боялась и которой так жаждало мое уставшее тело.

У меня всё перевернулось внутри. Стоило его жестким, обжигающим пальцам коснуться моей кожи, как я вся потекла в прямом смысле слова. Я злилась на себя за этот жалкий, животный трепет. За то, что мои губы непроизвольно приоткрылись, а дыхание стало частым и прерывистым, когда его грудь почти коснулась моей.

Я с силой оттолкнула его руку, тяжело дыша и глядя на него с чистой, незамутненной ненавистью.

— Можете купить мои долги, Орлов. Можете запереть меня в этом каменном бункере, — выплюнула я, чувствуя, как перед глазами начинают плясать черные точки. — Но вы никогда не заставите меня подчиниться добровольно. Я скорее сдохну, чем стану вашей удобной подстилкой!

Руслан хищно улыбнулся, его взгляд обжег мое лицо. Он

сделал шаг вперед, готовый ответить на мой вызов, но в этот момент мой организм, доведенный сутками стресса до предела, просто выключился.

Ноги окончательно превратились в вату. Комната качнулась перед глазами, и я бы безвольно сползла по стене прямо на пол, если бы Орлов не среагировал с пугающей скоростью. Сильные мужские руки подхватили меня, легко и бережно отрывая от пола.

Я хотела слабо запротестовать, сказать "Отпустите", но с губ сорвался лишь тихий, покорный вздох. Моя голова безвольно запрокинулась на его широкое плечо. Сквозь тонкую ткань его рубашки я чувствовала стальные мышцы и ровный, успокаивающий стук его сердца. Мое истощенное тело предательски расслабилось, с пугающей готовностью отдавая этому властному мужчине абсолютный контроль над моим телом и жизнью.

А потом реальность померкла, затянувшись густой, спасительной темнотой.

Глава восьмая

Я приходила в себя медленно, словно выныривая со дна теплого океана. Первым, что я осознала, был запах — тот самый дорогой парфюм, который теперь намертво ассоциировался у меня с Русланом Орловым. Затем вернулись тактильные ощущения: я лежала на чем-то невероятно мягком, утопая в подушках, а мою правую руку жестко, но бережно удерживали чужие горячие пальцы.

Я с трудом разлепила веки. Приглушенный свет выхватывал из полумрака очертания огромной спальни в кофейных тонах. Я по-прежнему находилась в его загородном особняке.

Руслан сидел на самом краю матраса, слегка подавшись вперед. Его пиджак исчез, верхние пуговицы белоснежной рубашки были расстегнуты, открывая сильную шею, а галстук отброшен куда-то в сторону. Большой палец Орлова уверенно лежал на внутренней стороне моего запястья, методично отсчитывая пульс.

Я вдруг увидела совершенно другого Руслана. В его пронзительных глазах не осталось и следа снисходительности — только жесткая, пугающая сосредоточенность хищника, который внезапно обнаружил, что его пленница может сломаться. Эта перемена сбивала с толку.

Заметив, что я пришла в себя, он шумно выдохнул, и его

широкие плечи едва заметно расслабились. Но мою руку он не отпустил.

— Вернулась, — его баритон прозвучал низко и бархатисто, забираясь прямо под кожу. — Лежи, не делай резких движений.

— Что… что произошло? — сказала я слабым голосом. Я попыталась приподняться, но тело отказалось слушаться.

— Ты потеряла сознание от истощения, — Руслан легко, одним небрежным движением свободной руки надавил мне на плечо, впечатывая обратно в матрас. — Твой организм просто вырубил систему, потому что ты загоняла себя в могилу, Настя. Когда ты в последний раз нормально ела и спала?

В его словах звучал не вопрос, а упрек. Я отвела взгляд. Какая ему разница? Я годами жила в таком ритме — работала сутками, закрывала бесконечные долги, вытаскивала брата из неприятностей, оплачивала лечение матери. У меня просто не было времени на себя.

— Это не ваше дело, — упрямо прошептала я, попытавшись выдернуть запястье из его рук. — Отпустите, мне нужно встать.

— Твое упрямство сейчас неуместно, — жестко отрезал Орлов.

Он отпустил мою руку, но лишь для того, чтобы дотянуться до прикроватной тумбочки и взять чашку. Руслан сел еще ближе, безапелляционно вторгаясь в мое личное простран-

ство, и подвел горячую ладонь под мою спину. Мое тело предательски дрогнуло от этого интимного контакта. Руслан легко приподнял меня, прижимая к своей груди, словно я не весила вообще ничего. Жар его крупного тела мгновенно окутал меня, парализуя волю к сопротивлению.

— Пей, — приказал он, поднося чашку к моим губам.

Я резко дернула головой, едва не выбив фарфор из его рук. Чай расплескался на покрывало.

— Не трогайте меня! Мне ничего от вас не нужно!

Челюсти Руслана напряглись. Он отставил чашку на тумбочку, а затем его пальцы жестко зафиксировали мой подбородок, не причиняя боли, но лишая возможности отвернуться.

— Сиди тихо, строптивая. Я сказал, что ты выпьешь этот чай, значит, ты его выпьешь. Иначе я волью его в тебя силой, — его голос вибрировал от дерзкой, непримиримой настойчивости, сквозь которую сквозила пугающая забота. Он снова поднес чашку к моим губам, обжигая меня своим взглядом. Мое сопротивление разбилось о его железобетонную волю. Я сделала глоток, с ненавистью глядя ему в глаза.

Теплая, приторно-сладкая жидкость потекла по горлу, и в голове действительно начало проясняться. Пока я пила, Руслан продолжал удерживать меня в своих объятиях. Его дыхание обжигало висок, шевеля волосы, а большая рука уверенно и крепко обхватывала мою талию.

В этом было что-то дикое, выбивающее почву из-под ног.

Мужчина, который буквально купил меня, шантажом заставив подписать безумный контракт, сейчас заботился обо мне с такой пронзительной, собственнической нежностью, что у меня болезненно сжималось сердце.

Руслан убрал пустую чашку и осторожно опустил меня обратно на подушки. Но сам не отодвинулся — наоборот, навис сверху, опираясь руками по обе стороны от моего лица.

— Ты больше не будешь тащить всё на себе, — тихо, но веско произнес он, гипнотизируя меня своим тяжелым взглядом. — Забудь про долги. Забудь про то, что тебе нужно кого-то спасать. Теперь это моя территория, и я здесь устанавливаю правила. А мое главное правило — ты находишься под моей защитой.

Я слушала этот рокочущий голос, и внутри всё переворачивалось. Мой мозг хотел бежать от этого сильного хищника, но уставшее тело отчаянно жаждало подчиниться. Я резко дернула головой в сторону, спасаясь от его подавляющего мужского обаяния, пытаясь зацепиться за остатки здравого смысла.

Мой взгляд заметался по комнате и случайно упал на массивную прикроватную тумбочку.

Там, среди холодного минимализма, лежали его часы, телефон и… небольшая серебряная фоторамка. Она казалась здесь совершенно чужеродной, слишком личной деталью. Я скользнула по ней рассеянным взглядом и уже собиралась отвернуться, как вдруг у меня перехватило дыхание.

Я моргнула, отказываясь верить собственным глазам.

Собрав крупицы сил, я заставила себя приподняться на локтях, полностью игнорируя близость нависающего надо мной Руслана.

На старом, немного выцветшем снимке были запечатлены двое мужчин. Они стояли на фоне какого-то чертежа, обмениваясь крепким рукопожатием. Одним из них был совсем молодой Руслан Орлов — ему здесь было не больше двадцати пяти, но во взгляде уже горел тот самый бешеный, амбициозный огонь победителя, намеренного подмять под себя весь мир.

А вторым мужчиной, устало, но искренне улыбающимся прямо в объектив, был мой отец.

Человек, которого не стало, когда я была еще подростком.

Холодный пот выступил между лопатками. Пальцы вцепились в шелковое покрывало. Дыхание участилось, переходя в поверхностное, паническое.

Идеально выверенный гардероб по моим меркам. Жесткий контракт без единой юридической лазейки. Уверенность, с которой он шантажировал меня братом, точно зная, на какие болевые точки давить…

Это не было случайностью. Он не просто увидел меня в офисе и решил сделать своей удобной игрушкой. Он всё это хладнокровно просчитал.

Я медленно подняла голову и посмотрела на Руслана. Мужчина проследил за моим взглядом, но даже не попытал-

ся спрятать снимок или как-то оправдаться. Его лицо мгновенно превратилось в непроницаемую, жесткую маску.

— Вы… — мой голос сорвался на сиплый шепот. — Вы знали его.

Стена моего недоверия, которую он только что почти разрушил своей горячей заботой, мгновенно взмыла вверх. Я с леденящим душу ужасом осознала, что этот опасный миллиардер знал мою семью задолго до той "случайной" аварии в серверной. Я оказалась в его постели не просто так. Я была частью чужой, безжалостной игры, правил которой даже не представляла.

— Какого черта здесь происходит?! Отвечайте! — мой голос сорвался на истеричный, хриплый крик, когда я резким движением схватила серебряную рамку с тумбочки, прижимая ее к груди так крепко, словно она могла меня защитить.

Руслан даже не пошевелился, чтобы оправдаться. Ни тени вины, ни капли раскаяния не скользнуло по его лицу. Наоборот, он медленно подался вперед, нависая надо мной своей широкой грудью. Его пальцы, обжигающе горячие и безжалостно твердые, легли поверх моих трясущихся рук.

— Отдай, — ровным, вибрирующим металлом тоном приказал он.

— Нет! Откуда вы знали моего отца? Зачем вы всё это устроили?! Долг брата, этот сумасшедший контракт в серверной… Я для вас просто пешка в какой-то больной игре?! Вы подстроили аварию, чтобы затащить меня сюда!

Одним коротким, властным движением Руслан разжал мои побелевшие пальцы и забрал фотографию. Он небрежно бросил ее обратно на полированное дерево тумбочки, а затем перехватил мои запястья, намертво фиксируя их по бокам от моего тела. Матрас глубоко прогнулся под его весом. Мужчина оказался так близко, что меня мгновенно окутало ароматом его власти. Я задыхалась от его близости, от этого подавляющего превосходства, с которым он ломал мою волю.

— Твой отец был не просто рядовым инженером, Настя. Он был гением, который создал алгоритм, способный перевернуть весь сырьевой рынок, — его баритон рокотал, проникая в каждую клеточку моего уставшего, измученного тела. — И этот алгоритм стоил ему жизни. Человек, который его методично уничтожил, довел до сердечного приступа и пустил вашу семью по миру, сейчас контролирует половину города. Мой главный конкурент.

Слова Руслана били безжалостно разрушая ту простую, понятную реальность, в которой я жила долгие годы. Мы остались с огромными долгами, мама тяжело заболела, и вся тяжесть мира рухнула на мои плечи. Я выживала, экономила каждую копейку, тянула семью, искренне веря, что это просто жестокий рок, несправедливость судьбы.

А теперь этот пугающий, безжалостный мужчина с холодным расчетом заявляет, что всё это было чьим-то планом? И что я оказалась в его кровати не потому, что он просто за-

хотел красивую игрушку, а потому что я — часть этой кровавой бизнес-войны?

— Вы лжете, — прошептала я, отчаянно мотая головой. Слезы бессилия обожгли глаза. — Вы всё лжете, чтобы оправдать то, что сделали со мной. Вы просто купили меня, сломали моего брата, потому что… потому что вы такой же монстр, как и они!

— Потому что я хочу тебя до одури, — жестко закончил за меня Руслан. Его взгляд, пронзительный, сканирующий и невыносимо горячий, скользнул по моим губам, спускаясь к часто вздымающейся груди. — Одно другому не мешает, Анастасия. Ты нужна мне. Твоя безопасность теперь моя личная забота, потому что люди Монополиста уже ищут тебя. Они знают, что чертежи у тебя.

— Какие чертежи?! У меня ничего нет! — паника накрыла меня с головой.

Я обычная девушка! У меня нет навыков выживания среди криминальных авторитетов и миллиардеров. Я хочу обычную жизнь, где максимум проблем — это неоплаченный счет за электричество, а не охота за секретными алгоритмами.

Я резко дернулась, вырываясь из его захвата. Руслан, к моему искреннему удивлению, не стал удерживать меня силой. Он просто отстранился, позволив мне судорожно скатиться с огромной кровати. Ноги дрожали так сильно, что я едва не упала на мягкий ворс ковра.

— Я не буду в этом участвовать, — задыхаясь, пробормотала я, пятясь к двери. — Я сейчас же ухожу. Забираю брата, маму, и мы уезжаем из города. Вы не имеете права втягивать мою семью в свои разборки! Вы не мой хозяин!

Я ждала, что он бросится за мной, схватит за плечи, силой вернет на кровать. Но Руслан лишь неспешно поднялся, расправил широкие плечи и засунул руки в карманы темных брюк. Он смотрел на меня с тем самым пугающим, железобетонным спокойствием человека, который точно знает, что держит в руках все козыри.

— Дверь не заперта, Настя. Я же говорил, иди. — его голос звучал ровно, почти лениво.

Он был абсолютно равнодушен. Он не останавливал меня, потому что знал: мне некуда бежать.

Но я упрямо развернулась, на негнущихся ногах бросилась в прилегающую гардеробную, где еще вчера вечером оставила свою сумочку, и вцепилась в ее кожаные ручки, как в последний спасательный круг. Мне нужно просто вызвать такси. Или дойти пешком до трассы сквозь этот проклятый лес. Плевать, главное — вырваться из этого одурманивающего морока его власти, пока я окончательно не потеряла способность мыслить здраво.

Я уже шагнула к выходу из спальни, сжимая ремешок так, что побелели пальцы, когда в моей сумке пронзительно зазвонил телефон.

Звук показался оглушительным в идеальной тишине рос-

кошного загородного дома.

Я замерла. Руслан даже не двинулся с места, лишь слегка склонил голову набок, наблюдая за мной.

Я достала мобильный. На экране светилось "Мама".

— Мам? — я попыталась сделать голос ровным, прочистив горло, чтобы она не услышала что что-то не так. — Всё в порядке, я просто задержалась…

— Настенька… — ее голос дрожал от слабости и растерянного непонимания. На фоне слышался какой-то посторонний шум. — Настя, доченька, я ничего не понимаю… Ко мне только что лично пришел главврач. Сказал, что наш договор аннулирован в одностороннем порядке. Они вернули твою предоплату обратно на счет. Меня сегодня выписывают.

— Что?! — я задохнулась. — Как выписывают? Мам, у тебя постельный режим, тебе нельзя даже садиться!

— Я знаю… — мама тихо всхлипнула, ей явно не хватало воздуха. — Но санитарки уже собирают мои вещи. Главврач прятал глаза. Сказал, что за мной уже приехала обычная скорая, чтобы перевезти в дежурную городскую больницу… Мне звонили из коллекторского агентства! Сказали, что они звонили тебе полдня, но ты не берешь трубку. Поэтому они перезвонил мне и сказали, что наша квартира арестована за долги, и замки прямо сейчас меняют. У меня так колотится сердце… Что происходит, Настя?

Глава десятая

Моя рука, сжимающая телефон, безвольно опустилась. Мозг лихорадочно прокручивал услышанное.

Всего месяц назад мама перенесла тяжелейшую операцию на открытом сердце — аортокоронарное шунтирование. Чтобы вытащить ее с того света, я заложила нашу единственную хрущевку и оплатила эту частную нейрореабилитацию на месяц вперед. Ей был противопоказан малейший стресс.

Слова Руслана, сказанные всего минуту назад, набатом ударили в виски: “Человек, который уничтожил твоего отца... Его люди уже ищут тебя”.

Это не было чудовищным стечением обстоятельств. Наверно это был тот самый конкурент. Он ударил в мое самое слабое место. Маму прямо сейчас, с еще не зажившими швами и слабым сердцем, отправляли в переполненную городскую больницу. А сверху добили звонком, что квартиру отбирают.

Этот переезд и стресс просто убьют ее. Я сделала прерывистый вдох и, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы бессилия, шагнула к Орлову..

— Помогите, — мой голос сломался на жалком, задушенном всхлипе. — Пожалуйста… У нее была тяжелейшая операция на сердце, шунтирование. Она не выдержит переезда в обычную больницу, она просто умрет по дороге! Я сделаю

всё, что вы скажете. Просто помогите ей.

Руслан в два широких шага сократил разделявшее нас расстояние и выхватил телефон из моих дрожащих пальцев. Его вторая рука властно легла мне на затылок, прижимая мое заплаканное лицо к своей твердой, горячей груди.

— Тихо. Выдыхай, — жестко, но с пронзительной заботой приказал он, зарываясь пальцами в мои волосы.

Я вцепилась в рукав его рубашки, как утопающий в спасательный круг, вдыхая его запах. Сердце Руслана билось ровно и мощно, и эта непоколебимая сила начала передаваться мне, гася панику.

Он поднес телефон к уху.

— Нина Сергеевна, успокойтесь, — тон Руслана смягчился ровно настолько, чтобы не пугать больную женщину, но остался твердым. — С вами говорит Руслан Орлов. Я мужчина вашей дочери. Попросите медсестру передать телефон главврачу.

Я замерла, вслушиваясь в тишину. Послышалась какая-то возня, приглушенные голоса, и, судя по всему, трубку действительно передали кому-то из руководства клиники.

Через мгновение раздался ровный, отстраненно-деловой голос главврача: — Слушаю. Добрый день.

— Это Руслан Орлов.

Баритон Руслана прозвучал негромко, но в нем лязгнул такой металл, что у меня по спине пробежал мороз.

В трубке повисла пауза. Фамилия Орлова в этом городе

открывала любые двери и мгновенно лишала людей дара речи.

Голос вибрировал от заискивающего, липкого страха: — Руслан Александрович… Это какое-то недоразумение! Пациентке заблокировали счета, мы получили ордер на выселение…

— Ваши проблемы меня не интересуют, — отчеканил Руслан, свободной рукой продолжая успокаивающе поглаживать меня по спине. — Я выкупаю всё крыло клиники на год вперед. Счет будет оплачен через пять минут с моего личного расчетного счета. Пациентку перевести в лучшую вип-палату. Выставить мою охрану на этаже. И если кто-то из посторонних попробует к ней сунуться — стрелять на поражение. Я понятно объяснил?

— Д-да… Абсолютно, Руслан Александрович! Мы всё сделаем!

Орлов сбросил вызов, но телефон не убрал...

Не сводя с меня тяжелого, проницательного взгляда, он нажал на экран, вызывая кого-то. Гудки длились ровно секунду.

— Макар, — отрывисто скомандовал Руслан, как только на том конце сняли трубку. — Свяжись с финотделом. Прямо сейчас переведите транш на счета нейрореабилитационного центра “МедСтандарт”. Оплатите всё вип-крыло на год вперед с моего личного счета. И немедленно отправь туда две машины сопровождения из моей личной охраны.

Ни один человек, включая персонал, не должен подойти к палате Нины Сергеевны без досмотра. Действуй.

Он сбросил вызов и небрежно отшвырнул телефон на кресло.

А я стояла, не смея даже пошевелиться. “МедСтандарт”. Нина Сергеевна. Он даже не спросил меня, как зовут мою маму и где она лежит. Он назвал клинику по памяти, без малейшей запинки. Досье, которое этот мужчина собрал на мою семью, очевидно, содержало каждую деталь моей жизни, каждую уязвимую точку. Мое осознание его тотального контроля достигло абсолюта.

Проблема, которая только что разрушила мой мир и грозила убить самого близкого мне человека, была решена ровно за две минуты. Двумя звонками. Двумя безапелляционными приказами.

Я медленно подняла голову. Мои ресницы были мокрыми, губы предательски дрожали.

— Спасибо, — прошептала я, глядя в его пронзительные глаза.

— Я же сказал тебе, — его большие, горячие пальцы легли на мои скулы, бережно стирая влажные дорожки слез. — Твои проблемы — это теперь мои проблемы. Они специально пытались выманить тебя из дома, Настя. Если бы ты поддалась панике, села в такси и поехала в эту клинику, люди Воронова перехватили бы тебя на первом же перекрестке.

Воронова?

Услышав эту фамилию, я вспомнила, как десять лет назад в один день рухнула наша нормальная жизнь. Как мой папа, всегда сильный и жизнерадостный, почернел от отчаяния и бессилия за считанные недели. Вспомнила те бесконечные судебные иски с логотипом корпорации Воронова, внезапно заблокированные банковские счета и ночные звонки с угрозами от коллекторов.

Воронов не марал руки сам. Он просто натравил на нас своих цепных псов — юристов, банкиров и вышибал. Он растоптал моего отца за то, что тот отказался отдать ему дело всей своей жизни. Папа не выдержал этой глухой, непробиваемой стены травли — обширный инфаркт убил его, оставив нас с многомиллионными долгами.

А я... в свои восемнадцать лет я в одночасье перестала быть просто девушкой. Мне пришлось похоронить свои мечты, забыть о беззаботной юности и взвалить на себя убитую горем маму, безалаберного младшего брата и эти бесконечные, душащие кредиты. Этот человек сломал мою жизнь, даже не зная моего имени. А теперь он пришел добить мою маму. И я только что едва не шагнула прямо в его ловушку.

От осознания масштаба угрозы я глубоко вздохнула. Ноги окончательно перестали меня держать, и я отступила на шаг, тяжело и бессильно опустившись на край огромной кровати.

Руслан не дал мне времени на рефлексию. Он шагнул следом, безапелляционно вторгаясь в мое личное пространство. Он встал вплотную, вынуждая меня раздвинуть колени, и

оказался прямо между моих ног. Эта властная, собственническая поза отрезала мне любые пути к отступлению: я не могла ни встать, ни отвернуться.

“Ты больше никуда не побежишь,” — его баритон стал хриплым, пропитанным тяжелой, вибрирующей угрозой. Большие, горячие ладони легли на мои плечи. — “И ты перестанешь со мной воевать. Ты поняла меня?”

Глава одиннадцатая

Во мне мгновенно вспыхнуло упрямство. Да, он только что спас маму, но это не давало ему права распоряжаться мной, как купленной вещью! Я годами выстраивала свою жизнь, боролась за каждый вздох, а он просто пришел и забрал у меня штурвал.

“Вы купили клинику, Орлов, а не меня!” — я с силой ударила ладонями по его твердой, как гранит, груди, пытаясь оттолкнуть. — “Я найду способ всё вам вернуть. Я не буду прятаться здесь, как ваша наложница, пока вы делите город с этим Вороновым!”

Мое сопротивление подействовало на него как бензин, плеснутый в костер. Вместо того чтобы разозлиться, Руслан хищно усмехнулся.

“Вернешь?” — он чуть склонил голову набок, его горячее дыхание опалило мою щеку. — “Ты даже не представляешь масштабов игры, в которую втянута, девочка. За дверями этого дома ты — ходячая мишень.”

“Значит, я пойду к федералам! Я предам это огласке!” — я дернулась, пытаясь вырваться, но его хватка стала стальной.

“Они все кормятся с рук Воронова,” — жестко сказал Руслан. — “Единственный закон, который теперь защищает твою жизнь — это я.”

Я с силой уперлась ладонями в его твердую, как монолит-

ная скала, грудь, отчаянно пытаясь спихнуть его с себя. Я билась в его захвате, злясь на собственную беспомощность, на эту чудовищную несправедливость и на то, как предательски дрожало мое тело от его обжигающей близости.

— Пустите! Вы не имеете права решать за меня! — выкрикнула я, едва не срывая голос.

Но вместо того чтобы применить силу, Руслан неожиданно разжал пальцы на моих запястьях. Он плавно, но тяжело поднялся с кровати, возвышаясь надо мной во весь свой пугающий рост. В его глазах не было ни капли злости — только холодная, расчетливая собранность. Он одернул лацканы безупречного пиджака, мгновенно переключаясь из режима разъяренного мужчины в режим безжалостного стратега.

— Твой отец был не просто упрямым идеалистом, Настя. Он был гениальным инженером, — его баритон звучал ровно, но от этого ледяного спокойствия по спине бежали мурашки. — И он прекрасно понимал, с кем связался. Перед тем как Воронов пустил вашу семью по миру, твой отец успел спрятать исходные чертежи алгоритма. И сейчас люди Монополиста идут по твоему следу, потому что уверены — ключ к этой технологии находится у тебя.

Я медленно села на смятое покрывало, обхватив плечи дрожащими руками. Воздух в спальне внезапно стал тяжелым и вязким.

— У меня ничего нет, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного ужаса. — После его смер-

ти мы продали почти всё, чтобы раздать долги. Если бы у нас было что-то ценное, мы бы не жили в нищете.

Руслан шагнул к двери, но на пороге обернулся. Его взгляд был непреклонным и жестким.

— Значит, мы будем искать там, где всё началось. Умойся и спускайся вниз. Мы едем в твою старую квартиру.

Черный, наглухо тонированный внедорожник Орлова выглядел на узкой парковке моего старого спального района как инопланетный корабль. Я вышла из теплого салона на промозглый ветер, чувствуя себя так, словно вернулась в прошлую жизнь, которая теперь казалась хрупкой и беззащитной иллюзией.

Руслан шел рядом, возвышаясь над обшарпанными панельными домами. В этом сером, забытом богом дворе его фигура излучала такую подавляющую власть и статус, что случайные прохожие инстинктивно опускали глаза и торопливо отходили с дороги. Его личная охрана бесшумными тенями рассредоточилась по периметру подъезда, но я знала: главная угроза и одновременно моя единственная защита сейчас шагает со мной плечом к плечу.

Когда мы поднялись на пятый этаж, я по привычке потянулась к сумке за своей связкой ключей, но внезапно замерла.

На нашей старой, исцарапанной деревянной двери красовался абсолютно новый замок. А поперек дверного косяка была наклеена разорванная пополам бумажная лента коллек-

торского агентства.

Слова мамы эхом пронеслись в голове. "Замки прямо сейчас меняют..."

Моя рука с ключами безвольно опустилась. Внутри всё похолодело от отчаяния. Мы опоздали. Если коллекторы уже были здесь, они могли забрать всё ценное в счет долга. Вдруг они нашли тайник?

— Они поменяли замок, — мой голос дрогнул, и я растерянно посмотрела на Руслана, чувствуя себя абсолютно беспомощной перед этой глухой, запертой дверью. — Мы не попадем внутрь. Нам придется ломать дверь и...

Руслан даже не нахмурился. На его лице отразилось лишь снисходительное, мужское спокойствие человека, который всегда на шаг впереди. Он небрежно сунул руку в карман своих темных брюк и достал абсолютно новый, блестящий ключ.

— Но... откуда? — я опешила, во все глаза глядя на металл в его крупных пальцах. — Это ключи коллекторов?

Руслан усмехнулся.

— Это ключи моего начальника охраны, Настя. Пока ты умывалась, а мы ехали сюда, моя передовая группа уже была на месте, — его баритон прозвучал ровно и уверенно. — Вышвырнули этот сброд, закрыли долг и врезали нормальный замок. Плюс оцепили весь двор, чтобы люди Воронова не успели сунуться. Я бы никогда не привез тебя туда, где может быть небезопасно.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Выходит, пока мы ехали, и я в панике изводила себя страхом, сжимаясь на пассажирском сиденье, этот мужчина всё уже организовал. Ему было достаточно отправить одно сообщение на ходу, чтобы его люди все сделали мгновенно, зачищая мои проблемы прямо перед нашим приездом.

Он шагнул ко мне, безапелляционно вторгаясь в мое личное пространство. Жар его крупного тела мгновенно окутал меня, даря сумасшедшее, почти одурманивающее чувство защищенности.

— Я же сказал тебе, — Руслан усмехнулся, глядя мне прямо в глаза. — Больше ты ничего не решаешь, заходи.

Он вставил ключ, и тяжелый механизм бесшумно поддался. Орлов толкнул дверь плечом, по-хозяйски пропуская меня вперед.

Моя старая, тесная хрущевка встретила нас запахом пыли, старых обоев и застоявшегося воздуха. Я стояла в узком коридоре, где двоим было не разойтись, и чувствовала себя так, словно вернулась в прошлую жизнь. Жизнь, которая казалась мне тяжелой, но понятной, а теперь выглядела лишь жалкой декорацией к чужой, безжалостной игре.

Руслан шагнул следом, и крошечное пространство квартиры мгновенно сжалось до размеров спичечного коробка. В своем безупречном, сшитом на заказ пальто, излучающий власть и первобытную силу, он казался здесь абсолютно чужеродным элементом. Но внезапная вспышка осознания за-

ставила меня вздрогнуть.

Глава двенадцатая

— А Денис? — я резко обернулась к Орлову, чувствуя, как внутри снова поднимается волна липкой паники. Мои пальцы судорожно вцепились в ремешок сумки. — Если коллекторы сегодня меняли замки… где мой брат? Они вышвырнули его на улицу? Руслан Александрович, он же совсем мальчишка, если люди Воронова…

Я не успела договорить. Руслан небрежно скинул пальто на колченогую тумбочку и, шагнув ко мне, мягко, но уверенно накрыл мои трясущиеся руки своими горячими ладонями.

— Выдыхай, Настя. Твой брат в абсолютной безопасности, — его баритон звучал ровно, с тем железобетонным спокойствием, которое гасило любую истерику. — Он не был дома, когда пришли коллекторы. Моя служба безопасности перехватила его на выходе из университета. Сейчас он находится в закрытом загородном комплексе под круглосуточной охраной моих людей. У него забрали телефон, чтобы он не наделал глупостей, но у него есть всё необходимое. Он просто посидит там, пока я не зачищу эту ситуацию.

Я уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова. Он изолировал моего брата. Решил проблему, о которой я даже не успела подумать, выстроил вокруг моей семьи глухую стену из своих ресурсов и телохранителей. Моя привычка та-

щить всё на себе, всё контролировать и ни на кого не рассчитывать дала серьезный сбой. Внутри боролись два противоречивых чувства: дикий страх перед его абсолютной властью над моей жизнью и постыдное, теплое облегчение от того, что мне больше не нужно воевать в одиночку.

— Вы… вы всё решили за меня и моего брата. Снова, — прошептала я, опуская глаза, пытаясь дистанцироваться от жара его тела.

— Привыкай, — жестко припечатал Орлов, отпуская мои руки. Он расстегнул верхние пуговицы белоснежной рубашки и по-хозяйски закатал рукава, обнажая сильные, загорелые предплечья. — Показывай, где был кабинет отца. Нам нужно найти чертежи.

Комната папы осталась почти нетронутой с момента его смерти. Старый советский письменный стол, скрипучий паркет, забитые книгами стеллажи. Руслан начал осмотр, действуя методично и быстро. Он был похож на хищника, идущего по следу. Я стояла у двери, обхватив себя руками, и физически ощущала его доминирующую энергию в этом тесном пространстве. Каждое его скупое, выверенное движение отдавало такой маскулинностью, что внизу живота предательски завязывался тугой, пульсирующий узел.

Его внимание привлек слегка отошедший от стены деревянный плинтус за тяжелым дубовым шкафом. Руслан без видимых усилий, одной рукой, отодвинул громоздкую мебель, подцепил старую доску и извлек из пыльной ниши

небольшую металлическую коробку.

Я замерла. В горле пересохло.

Орлов положил находку на стол и откинул крышку. На дне лежала старая, потертая флешка и пустая бархатная коробочка темно-синего цвета. На шелке внутри сохранился отпечаток какого-то украшения.

Я уставилась на этот выцветший бархат, и ледяной ужас медленно пополз по позвоночнику. Мои пальцы сами собой, словно повинуясь страшной догадке, потянулись к ключицам, где под глухим воротом блузки прятался дешевый металлический кулон. Папа подарил мне его за день до своей смерти, взяв с меня обещание никогда его не снимать. “Это мой талисман для тебя, Настенька”, — сказал он тогда.

Руслан мгновенно проследил за моим дрожащим жестом. Его взгляд — тяжелый, сканирующий, обжигающе внимательный — сфокусировался на моей шее. Он оставил коробку и медленно, не отрывая от меня глаз, шагнул в мою сторону.

— Покажи, — низко, почти гипнотически произнес он.

— Это просто безделушка, — мой голос сорвался. Я попыталась отступить назад, отстраниться, включить привычную независимость, но уперлась лопатками в холодную стену.

Орлов не стал тратить время на уговоры и не спрашивал разрешения. Он просто коснулся моей шеи своими шершавыми пальцами, прикасаясь к нежной коже. Я судорожно вы-

дохнула, когда он властно подцепил цепочку и вытянул кулон наружу. Металл тихо звякнул в его крупной ладони.

Свободной рукой Руслан достал из кармана брюк небольшой нож. Одно неуловимое, жесткое движение лезвия, и дешевый кулон со щелчком раскрылся надвое.

Глава тринадцатая

На его широкую мозолистую ладонь выпала миниатюрная флешка размером с ноготь.

В ту же секунду воздух в комнате словно закончился, а обшарпанные стены старой хрущевки начали стремительно сужаться, болезненно давя на виски. Десять долгих лет я носила на своей груди самую настоящую мишень. Каждый день, когда я спускалась в метро, когда засиживалась допоздна в пустом офисе или когда беззвучно плакала от усталости в ванной, люди Воронова могли просто подойти ко мне на улице и убить меня ради этой крошечной детали.

Мой собственный отец, которого я так искренне любила и чью смерть оплакивала годами, превратил меня в слепой, ничего не подозревающий сейф для чужих корпоративных тайн. Я находилась в шаге от гибели каждую секунду своей жизни.

Ледяной озноб пробрал меня до самых костей. Я отшатнулась от стола, глядя на этот кусок пластика с чистым, незамутненным ужасом, который мгновенно сменился жгучей, болезненной обидой.

— Нет… — срывающимся шепотом выдавила я, инстинктивно отступая к стене.

Руслан одним выверенным движением спрятал находку во внутренний карман брюк и шагнул в мою сторону, но я вски-

нула дрожащие руки, выстраивая между нами барьер.

— Не подходите! — мой голос дрогнул, но я заставила его звучать громче. — Не смейте ко мне прикасаться! Это всё из-за вас, из-за него, из-за всех вас! Вы все абсолютно одинаковые!

Не разбирая дороги, я метнулась к спасительному выходу. Разум пульсировал лишь одной отчаянной мыслью: мне нужно было немедленно сбежать из этой комнаты, из этой проклятой квартиры и из всей этой жизни, где меня снова цинично использовали как удобную вещь.

Я успела сделать лишь пару шагов, прежде чем Руслан настиг меня у самого дверного проема. Он перехватил меня не грубо, но с такой железобетонной непреклонностью, что лишил малейшего шанса на спасение. Его тяжелая рука властно легла поперек моей талии, а вторая опустилась на плечо, разворачивая меня лицом к себе. Я отчаянно забилась в его захвате, ударив кулаками по твердой мужской груди.

— Отпустите меня! — закричала я, глотая злые слезы. — Вы уже получили то, за чем приехали! Флешка у вас, я вам больше не нужна! Просто оставьте меня в покое и дайте уйти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.